

мануф-

**На правах рукописи**

**ЖАПОВА Дугвэма Натар-Доржиевна**

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ПРОПРИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ  
(НА МАТЕРИАЛЕ АНТРОПОНИМИИ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ)**

**Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы,  
Азии, Африки, аборигенов Америки  
и Австралии (монгольские языки)**

**Автореферат**

**диссертации на соискание ученой степени  
кандидата филологических наук**

**Улан-Удэ  
2004**

Работа выполнена в научно-исследовательской лаборатории социалингвистики и речевых коммуникаций Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств

**Научный руководитель –**  
член-корр. СО АН ВШ,  
доктор филологических наук, профессор Л.В. Шулунова

**Официальные оппоненты:**  
доктор филологических наук, профессор Л.Д. Шагдаров  
кандидат филологических наук Л.Ю. Сутурина

**Ведущая организация –** Бурятский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования

Защита состоится 29 декабря 2004г. в 15 час.  
на заседании диссертационного совета Д 003. 027. 02. в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

Автореферат разослан «20» ноября 2004 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
доктор филологических наук



Г.А. Дыршеева

2005-4  
37814

963987

## Общая характеристика работы

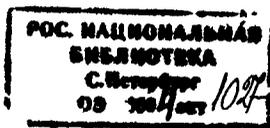
**Актуальность темы исследования.** Значительный пласт лексической системы любого языка составляют имена собственные, исследование которых дает возможность выявить фонетические, морфологические и семантические аспекты, примерные хронологические параметры развития языка, сделать обстоятельные выводы как с собственно лингвистической точки зрения, так и с точки зрения культурно-исторической. Следовательно, антропонимия – «живой свидетель» развития языка.

Исследование монгольской антропонимии не составляет исключения прежде всего потому, что она содержит разнообразную информацию об истории и бытовом укладе монгольских народов, тесных контактах с разными родоплеменными объединениями, многие тысячелетия живущими на сопредельных территориях. Известно, что исконная антропонимия монголов имеет актуальное значение не только как материал языка и истории, но и как свидетельство развития культуры, эволюции мировоззрения и представлений монгольских народов.

Несмотря на то, что отечественная ономастика имеет довольно богатую историю исследования онимической лексики, функциональный аспект антропонимии все еще остается одним из ее наименее освещенных разделов. Функционирование проприальной лексики монгольских языков еще не подвергалось глубокому и детальному монографическому анализу, поэтому выбор антропонимии монгольских народов (старописьменного и современного монгольского, бурятского, калмыцкого языков) в качестве объекта исследования в диахроническом плане предопределяется и данным обстоятельством.

В то же время следует отметить, что за последние годы в изучении имен собственных как в монголистике, так и языкознании в целом достигнуты существенные успехи. К числу наиболее значимых относятся труды «Общая теория имени собственного» А.В. Суперанской, «Имя и общество» В.А. Никонова, «Бурятская антропонимия» и «Личные имена бурят» А.Г. Митрошкиной и др. Однако проблемы функционирования имен собственных монгольских языков, имеющие принципиальное значение для постижения речемыслительной деятельности монгольского этноса, все еще остаются вне поля зрения исследователей.

**Цель** данного исследования - описание функционирования проприальной лексики на материале антропонимии монгольских языков в сравнительно-историческом аспекте, выявление особенностей основных функций онимических лексем на различных этапах развития человеческого сообщества.



Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

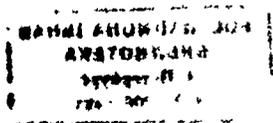
- проследить историю изучения проприальной лексики в отечественной и зарубежной лингвистике;
- изучить влияние экстралингвистических факторов на использование имен собственных;
- выявить основные языковые и экстралингвистические функции монгольских антропонимов;
- охарактеризовать основные лингвистические процессы в монгольской антропонимии;
- описать динамику экстралингвистических функций в антропонимии монголоязычных народов.

**Научная новизна** диссертации состоит в том, что впервые предпринята попытка целостного сравнительно-исторического исследования антропонимов монгольских языков.

**Теоретическая и практическая значимость** диссертационного исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при разработке спецкурсов по ономастике, философии и теории языка, лингвокультурологии, лингвострановедению, социолингвистике, этнолингвистике, этнологии и краеведению для студентов-филологов, историков, философов, социологов, психологов и регионоведов. Материал диссертации может быть полезен для составления антропонимических справочников и словарей национальных имен монголоязычных народов. Работа также дает возможность скорректировать подход к проблеме функционирования антропонимии монгольских языков.

**Методы исследования.** Основными методами исследования являются сопоставительно-типологический, сравнительный, включая наблюдение, сопоставление, описание и обобщение, а также метод историко-этнографического анализа. При сборе материала, его извлечении из справочной и научной литературы и при устном опросе населения использовались методы сплошной записи и выборки.

**Материалом для исследования** послужили антропонимическая лексика, представленная в справочниках личных имен и научных публикациях отечественных и зарубежных ученых, картографические материалы, в том числе картотека, собранная автором. В работе использованы результаты устного опроса информантов, проживающих в Бурятии, Иркутской и Читинской областях, Монголии, и бурят, приехавших из Китайской Народной Республики. В процессе исследования анализу подвергнуто более 3500 антропонимических единиц.



**Апробация работы.** Диссертация обсуждалась на заседании кафедры общей и прикладной лингвистики Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. Основные положения и результаты проведенного исследования докладывались на ежегодной конференции преподавателей и сотрудников Бурятского государственного университета (2004 г., Улан-Удэ). По теме диссертации опубликовано пять научных статей и две находятся в печати.

**Структура работы.** Поставленная цель и задачи, материалы анализа предопределили структуру исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка литературы.

### **Содержание работы**

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется состояние и степень изученности проблемы, приведен подробный экскурс разработанности темы диссертации, обозначены цель и задачи, охарактеризована методика исследования, определены научная и практическая значимость диссертации, а также содержатся сведения об апробации результатов диссертационной работы и ее структуре.

**Первая глава «Функционирование имен собственных в языке и речи»** является общетеоретической, в ней содержатся сведения об истории научного изучения функций имен собственных в отечественной и зарубежной лингвистике, а также анализируются монгольские сочинения с целью исследования функционирования имен собственных.

Параграф 1.1. **«Из истории изучения функций имен собственных»** посвящен истории научного изучения имен собственных. Функциональная природа имени собственного волнует умы исследователей многих поколений. С древнейших времен вопросы изучения имени собственного освещались в трудах философов, логиков, историков и лингвистов, которые отмечали их особое положение в языке.

В параграфе дается обзор взглядов ученых на имя собственное в различные периоды развития ономастики, излагается история становления ономастических идей. Исторический экскурс показал, что накоплен достаточно обширный материал по ономастике в различных языковых традициях.

В параграфе 1.2. **«Монгольские исторические сочинения как источник изучения функций древнемонгольских антропонимов»** проанализированы имена собственные в монгольских исторических сочинениях. Монгольские исторические сочинения «Сокровенное сказание монголов» (1240 г.), «Сборник летописей» Рашид-ад-Дина (XIII в.) и «Алтан тобчи» (XVIII в.) представляют огромную ценность для исследования онимической лексики.

В данных памятниках письменности повествование начинается с легенды о Бортэ Чино, первопродке монгольских ханов. Происхождение монгольских племен от прародителей *Бортэ Чино* и *Гоа-Марал* является общим для трех исторических сочинений, их имена являются антропонимами тотемного характера.

В «Сокровенном сказании монголов» наблюдаются случаи смены имени человека при переходе его из одного племени (рода) в другой, например: Чингис-хан всемилостивейше похвалил Чжебе с Субеетаем и сказал: «Помнишь, Чжебе, ты именовался когда-то Чжирхоадаем. Но, перейдя ко мне от Тайчиудцев, ты стал ведь Чжебе – Пикой!» [Козин, 1990]. Или «...вскоре же после того Огодай-хан ниспроверг Алтан-хана и дал ему новую кличку – Сяосы, т.е. половой, прислужник...» [Козин, 1990].

Большой интерес для исследования функций антропонимов представляют «Бурятские летописи». В хронике “Прошлая история хоринских и агинских бурят” Тугулдэра Тобоева встречаются такие антропонимы, как *Барзу батор*, *Алан-гоа*, *Шаралдай*, *Нагатай* и т.д.

1.3. «Религиозный фактор функционирования антропонимии». В данном параграфе рассматриваются имена собственные, которые в значительной степени носят религиозный характер. В XVII веке началось повсеместное распространение буддизма в Бурятии и Калмыкии, что сыграло огромную роль в становлении именика этих народов.

Монгольские народы через буддизм подверглись большому влиянию культуры Тибета, которая, в свою очередь, передала им заимствованную культуру Индии. Среди бурят, калмыков и монголов отмечено бытование сборника, известного под именем «Сидди-Кюр» - «Волшебный мертвец» (стп.-монг. *Šeditü kegür*), имеющего близкую родственную связь со сказками “Двадцать пять рассказов Веталы”.

Данный сборник представляет существенный интерес для изучения собственных имен. Например, вероломного брахмана индийских версий в монгольской версии заменяет буддийский святитель Нагарджуна, а царя-героя Викрамадитья – *царевич Амугуланг-Едлегчи*. Слово *Амугуланг-Едлегчи* означает ‘пользующийся благоденствием’, так тибетцы переводили имя царя Антивахана. Кроме вышеупомянутых имен, в “Волшебном мертвце” встречаются такие антропонимы, как *Хобдогийн-кэбюн* (стп.-монг. *Qobdoγ=yin kǒbegün*) – досл. ‘сын жадного’; *Гесер-хан* - легендарный тибетский царь, герой многочисленных сказаний, образующих особый цикл, и др. Из 35 антропонимов в сборнике «Волшебный мертвец» к собственно монгольским относятся 23 имени, например, *Бюкюндю-Герель* ‘светоч для всех’, *Дельгер* ‘пространный, обширный’ и др.

К заимствованным из тибетского языка и санскрита следует отнести имена *Ананда*, *Сурья*, *Хонишм-бодисатва* и др. Единственным именованием-китаизмом здесь выступает *Дайбун-хан*. Имена-тюркизмы – *Ирбис-Барс* и *Хормуста*. На наш взгляд, имена *Гагай-егечи*, *Цаган-дунгитедкегчи*, *Цаган-лабай-тедкегчи*, где формантные составляющие имен – гагай, дунг, лабай – тибетско-санскритского происхождения, характеризуют длительные тибетско-монгольские культурные, религиозные и языковые взаимоотношения.

В параграфе 1.4. «Современное функционирование именника восточных бурят» характеризуется языковой ландшафт восточной части Республики Бурятия. Восточно-бурятский ареал является зоной господства буддизма. Имена, заимствованные из тибетского языка и санскрита, прочно и органично вошли в лексический состав языка и образуют огромный пласт онимической лексики восточных бурят, подчинившись грамматическим законам бурятского языка.

В период от начала XX века до 1936 года состав имен восточных бурят представлен собственно бурятскими, традиционными тибетскими и санскритскими именами. В числе собственно бурятских антропонимов особое место занимают охранные имена, отражающие влияние религиозных воззрений и верований народа. В настоящее время охранные имена представляют довольно обширный пласт «ушедших» имен, сохранившись в фамилиях – *Гулгенов (Гулгонов)*, *Тыхеев* и пр.

Описание исторического аспекта номинации свидетельствует о большом интересе для исследования мотивов имянаречения. 20-30-е годы прошлого столетия – время смены политического и идеологического мировоззрений – характеризуются созданием имен-неологизмов. Такие имена, как *Вэлэкэсэма* (ВЛКСМ), монг. *Мэлчо* (Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин и Чойбалсан), бур. *Хубисхал* ‘революция’ и др. Параллельно с именами-неологизмами и русскими именами широко функционируют тибетско-санскритские заимствования: *Бимба*, *Мэдэгма*, что связано с глубокой традицией и сильным влиянием ламаизма.

1936-1940 годы характеризуются как время репрессий, разрушения храмов, церквей и дацанов, гонений на служителей религии. В этот период в антропонимике восточных бурят в большей степени функционируют исконно бурятские имена: *Бато-Жаргал*, *Сэсэгма*, а также появляются и русские имена: *Антонида*, *Владимир*, *Тамара*.

Период с 1946 по 1960-е гг. характеризуется обилием двойных имен, заимствованных из тибетского языка и санскрита: *Бадмажпан* ‘защищенный лотосом’, *Раднажпан* ‘драгоценное убежище’ и т.д. В это время именник восточных бурят пополняется бурятскими и русскими именами: *Эржена*, *Эрдэни*, *Степан*, *Эльвира* и т.д.

В 60-70-е годы появление в среде бурят таких иноязычных имен, как *Альберт*, *Эдуард* свидетельствует о следовании общей моде. К редким именам относятся *Викентий*, *Вольдемар*, *Карл*. Данная тенденция свидетельствует об активном приобщении бурят не только к культуре русского, но и к культуре других народов.

70-90-е годы вошли в историю XX века как годы безверия. Родители продолжают нарекать своих детей без помощи лам, служителей культа, но тем не менее все же встречаются случаи, когда некоторые верующие обращались в Иволгинский дацан. В это время зафиксировано рекордное количество собственно бурятских имен: *Алдар* 'слава', *Аяна* 'путь, путешествие', *Саян* 'гольцы' и т.д.

Последнее десятилетие прошлого века отмечено крупными общественными преобразованиями, возвратом бурят к традиционным духовным ценностям и обращением бурят к своим исконным бурятским именам. Нами зафиксировано 65 исконно бурятских и тибетских имени, среди которых лишь одно русское. Например, *Лубсан-Цэрэн-Нима*, *Санжа-Намсаг* и др. К редким именам относятся антропонимы *Аилана*, *Дарюна* и *Циум*.

Таким образом, бурятский именной восточно-бурятского ареала сложился во времена проникновения буддизма в Россию и с тех пор претерпел мало изменений. Основной пласт именника восточных бурят – это заимствования из тибетско-санскритского языка. Собственно бурятские имена появились в 30-е годы, и в настоящее время занимают ведущее место. Русские и западноевропейские антропонимы проникли в бурятский антропонимикон в середине XX века.

Во второй главе «Функции именника монгольской антропонимии» рассматривается функциональная природа онимической лексики монгольских языков.

2.1. Основные языковые функции и особенности лингвистических процессов в антропонимии. Во всех языковых сообществах, начиная с древнейших, людей принято было наделять индивидуальными именами, так как имя служило и служит для обозначения конкретного человека, независимо от количества носителей того же антропонима.

В речи, в зависимости от ситуаций, имя как лексическая единица может служить основой сообщения (коммуникативная функция), а также употребляться в качестве призывов (апеллятивная функция) и как выразительное средство (экспрессивная функция). Через имена собственные общество активно реагирует на все изменения и сохраняет исторические реалии. Антропонимы обычно отражают более древнее состояние языка. Многие факты, скрытые в судьбе имен нарицательных,

могут быть вскрыты благодаря анализу имен собственных в силу особой консервативности последних.

Как известно, история монгольских народов чрезвычайно богата и многообразна. На определенных этапах своего исторического развития монгольские племена имели тесную связь с другими этносами, что не могло не отразиться в их языке и истории, и оставило заметные следы в культурах этих народов, в частности, в традициях имятворчества и имянаречения.

Так, по мнению исследователей, завоевательные походы Чингис-хана, период монгольской империи Юань, господство маньчжурской империи Цин оставили глубокие следы в онимической системе как у самих монголов, так и в именниках контактировавших с ними народов. Например, в летописи XIII века Рашид-ад-Дина встречаются имена *Бат*, *Батуха* (ср. монг. *бат* 'устойчивый, крепкий, надежный'); *Урак-Тимур*, где *Тимур* – монг. *түмэр* 'железо', *урак* – монг. *ураг* 'родственник, свойственник'; *Арслан* 'лев'.

Многие из упомянутых антропонимов функционируют и в именниках тюркских народов, что объясняется либо генетической близостью древних племен, либо длительным контактированием; и то, и другое обуславливает общность антропонимической лексики. К примеру, у тюркских народов встречаются имена *Алтын*, *Булат*, *Гантимир* и др.

В параграфе 2.1.1: «Дефиниционный способ образования имен-дескриптивов» раскрывается функционирование имен-дескриптивов в монгольских языках. Описательные антропонимы в монгольских языках, как считают многие ученые, составляют один из древнейших пластов лексики, так как в группу имен-дескриптивов включаются имена, дающие описательную характеристику денотата по: а) биолого-физическим признакам; б) психическим признакам; в) последовательности рождения ребенка. Так, в рассматриваемых сочинениях представлены так называемые цветные имена, характеризующие нареченных по цвету лица, волос: *Боро*, ср. х.-монг. *бор* 'серый; сивый (о масти); смуглый (о цвете лица); перен. невзрачный'; *Харчу от хар* 'черный'; *Кара-Арслан*; *Коко-Цос*, представляется, что *коко* от ст.-монг. *көке*, ср. х.-монг. *хвх* 'синий, голубой; смуглый, темный, черный (о цвете лица, о коже).

Кроме имен, объясняющих характерные физические особенности объекта, к описательным наименованиям относятся и имена-синекдохи: соответствующее значение подсказывается приемом замены названия целого названием части. Например, *Алак-Нидун* [Рашид-ад-Дин, т.1], ср. х.-монг. *алаг* 'пестрый, разноцветный, пегий (о масти); перен. неоднородный', *нуд(эн)* 'глаз, глаза'; *Дува-Сохор* [Козин, 1990], ср. х.-монг. *сохор* 'слепой'.

Основанием для образования антропонимов мог служить и порядок рождения детей. В именниках зафиксированы имена *Наян-наст*, *Табита*, *Иисин*. Соответственно эти же числительные отмечаются в отчествах и фамилиях, образованных от этих же основ, но оформленных русскими патронимическими суффиксами: *Джиринтеевич*, *Есинов* и пр.

Имена, образованные от числительных, у монгольских народов составляют общий пласт лексики. Они входят в ранние лексические группы общемонгольской антропонимии. Ныне они встречаются лишь в единичных случаях.

На современном этапе истории мы наблюдаем процесс онимизации апеллативов-терминов, в прошлом обозначавших сословные различия. Например, вторые компоненты вышеуказанных имен, *Хоричар-Мерган*, *Есугай-Баатур* в современном именнике функционируют как имена-пожелания: *Мэргэн*, ср. х.-монг. *мэргэн* 'меткий стрелок; мудрый, прозорливый', *Батор*, ср. х.-монг. *баатар* 'богатырь, герой; витязь; богатырский, храбрый, доблестный'. В период с XVII по XX век у бурят встречаются термины, обозначающие занятие или должность именуемого: х.-монг. *тушмэл* 'чиновник; сановник'; *зайсан (зайһан)* 'младший административный чин в дореволюционной Бурятии'; *тайша* 'глава степной думы у бурят в царской России'. В настоящее время в именнике бурят функционируют фамилии *Зайсанов*, *Тайшин*, *Тушемялов*, которые определяют в данном случае онимизацию апеллативных основ.<sup>1</sup>

### 2.1.2. Имена-кальки как следствие взаимодействия языков.

В конце XVI – начале XVII вв. в Центральной Азии закрепляются результаты культурной деятельности буддизма, в этот период происходит проникновение в монгольские языки тибетских заимствований. В летописи «Алтан тобчи» Мэргэн гэгэна и сборнике сказок «Волшебный мертвец» (1929) нами зафиксировано большое количество составных образований, высокая частотность которых обусловлена традицией калькирования таковых с тибетского языка. Например, *Амугуланг-Едлегчи* 'пользующийся благоденствием', как тибетцы переводили имя царя Антивахана; *Бурум модуту (burum modutu)* – букв. «имеющий тростник» – имя древнейшего царя Кашалии, родоначальника династии, из которой происходил Шакьямуни; *Гэгэн ширэгэту (gegen širegetü)* – букв. «владыка трона света» – монг. форма имени пятого легендарного царя Тибета Мэти Цзамбо и др.

Появление имен-калек свидетельствует о широком распространении религии буддизма на территории расселения монгольских племен и их последующей адаптации в именнике, на которую оказали влияние фонетический и лексический состав живого разговорного языка того периода.

2.1.3. Аллитерированные имена. Монгольская антропонимия широко использует аллитерацию для имянаречения. Соименования индивидов у бурят можно разделить на горизонтальные, вертикальные и смешанные. Горизонтальным называют соименование детей одной и той же семьи (рода), вертикальным – соименование людей разных поколений, смешанным – соименования, в которых сочетаются вертикальный и горизонтальный способы.

Чаще всего встречаются имена с аллитерацией в начале слова, о чём свидетельствуют антропонимы из «Сокровенного сказания монголов»: имена сыновей *Добун-Мергана* начинаются с согласной *б* - *Бузу-Хадаги*, *Бухату-Салчжи*, *Бодончар-простак*. Традиция соименования имеет место и в «Алтан тобчи», «...имена одиннадцати сыновей Даян-хана следующие: *Törü bolud*, *Ulus bolud*, *Bars bolud*, *Arsu bolud*, *Wačir bolud*, *Alču bolud*, *Ara bolud*, *Gere bolud*, *Geretü bolud*, *Ubasanja*, *Geresenje tayiji*...» [Алтан тобчи, 1970].

В настоящее время данное явление можно наблюдать и у монгольских народов. Например, в семье монгола имена пятерых детей имеют начальный апеллятив *Мөнх* 'вечный, вековечный; бессмертный': *Мөнхтувшин*, *Мөнхдэлгэр*, *Мөнхэрдэнэ*, *Мөнхбаясах*, *Мөнхзул*. Рифмование конечного и начального слога –*ван* наблюдается в антропонимах сыновей семьи *Базаровых*, выходцев из Кижингинского района, например: *Цыван*, *Агван*, *Туван* и *Вандан*.

В древности зародился культ близнецов, так как их рождение объяснялось как явление сверхъестественное, являющееся результатом оплодотворения матери двумя участниками, из которых один – настоящий отец, а другой – тот или иной дух, то или другое божество. Рождение детей-близнецов у монголов и тюрков толковалось как положительное явление, и это нашло отражение в неперменном их соименовании, которое выступает как «охранительное» средство. Например, имена близнецов-жителей Тункинского района – *Андрей и Алексей* (1981 г.р.); с. Чесан Кижингинского района – *Вандан и Ванчин* (1999 г.р.).

2.2. Особенности лингвистических процессов заимствованных имен. В данной части диссертации рассмотрены способы образования и функционирование в языке антропонимов, заимствованных монгольскими народами из других языков.

2.2.1. Функционирование заимствованных имен. Заимствование и пополнение состава национальных имен за счет заимствованных лексем и имен – обычный процесс пополнения ономастикона любого языка. К заимствованным относят личные имена, апеллятивные основы которых не могут быть объяснены на материале бурятского, халха-монгольского и старописьменного монгольского языков. Экстралингвистическим фоном

процессов заимствования в разные исторические эпохи выступают: а) живые контакты бурят с другими племенами, народами в связи с сопредельностью территории их расселения, например, с русским народом; б) распространение новых религиозных верований – буддизма и православия – которые принесли в бурятский антропонимикон тибетско-санскритские имена (*Доржо, Санжа, Бутид, Бадара*) и русские имена, заимствованные до 20-30-х гг. XX в. (*Анна, Евдокия, Филипп, Евсей*); в) распространение грамотности как на родном языке, так и на русском, который является средством межнационального общения в СНГ и на международной арене; г) знакомство с культурой других стран, служащее платформой для заимствования иностранных личных имен (*Долорес, Анжелика, Спартак*).

### 2.2.2. Корреляционный способ образования антропонимов.

Суффиксальный способ образования слов является одним из главных источников пополнения словаря бурятского языка. Форманты, образующие личные имена, по происхождению вторичны по отношению к суффиксам: они находятся между собой в омонимичных отношениях точно так же, как апеллятивы соответствующих антропонимов. Тот или иной суффикс в антропониме выполняет прежнюю апеллятивную функцию только в тех случаях, когда изменяет лишь форму конкретного имени конкретного человека. Например, *Ханда – Хандахан, Үнхээ – Үнхээшхэ*. Но в случае, если именованья типа *Жалма* и *Жалмахан* относятся к разным индивидам, то мы имеем два имени, образованные с помощью антропоформанта и без него. Замечено, что дифференциация женских и мужских имен в прежние времена не была достаточно четкой: одно и то же имя могли носить как женщина, так и мужчина, например: *Хулан* [Козин, 1990].

В настоящее время функционирует немалое количество самостоятельных женских имен, образованных при помощи суффикса *-а*: *Димида, Цырена* и т.д. Суффикс *-маа*, который, как считают, восходит к тибетскому слову ‘мать’, является наиболее употребительным при образовании новых женских имен от исконно бурятских личных имен: *Соелмаа, Сэсэгмаа* и др. В именах *Чимита, Арюуна* элементы *-ита, -юуна* начинают осознаваться как антропонимический формант. Реже используется модель с суффиксом *-цоо/-цуу, -соо/-суу* от тиб. ‘озеро, море’: *Балмасу, Бимбацу*, причем носительницы имен с рассматриваемым суффиксом преимущественно являются жительницами южных районов Республики Бурятия (Бичуры, Мухоршибири).

### 2.2.3. Дефиниционный способ образования заимствованных имен.

При дефиниционном способе образования антропонимов за основу берутся апеллятивы, характеризующие какие-либо свойства именуемого,

обстоятельства его рождения и т.п., без прибавления антропоформантов. Данный способ функционирования и распространения иноязычных имен среди монгольских народов в полной мере проявился в последние десятилетия XX века; такое заимствование уже готовых онимических единиц свидетельствует об организованности, образованности и грамотности принимающего народа. Следует заметить, что иноязычные элементы при проникновении в систему того или иного языка, как правило, адаптируются под влиянием грамматики и фонетики заимствующего языка.

К иноязычным заимствованиям в антропонимиконах монгольских языков относятся *тюркизмы*. Сюда входят:

а) имена, образованные от тюркских апеллятивов: имена-характеристики: *Бумбаа* – др.-тюрк. *bin, bon* 'полный, толстый'. В 1854 году служителями Ацагатского дацана была проведена перепись верующих. Одним из них был семидесятилетний *Бумбаа* (приблизительно 1784 г.р.), сын *Унагана*, состоявшим в браке с *Думи* (1783 г.р.); б) имена, омонимичные названиям животных, их мастей и т.п.: *Мамаан* – др.-тюрк. *tata* 'бык, находящийся в центре тока во время молотбы; другие быки движутся вокруг него'; в) имена, омонимичные названиям предметов быта: *Бартаан*, *Бартнай*, *Бартахан* – др.-тюрк. *bart* 'сосуд, кубок' и др.; г) имена, омонимичные названиям растений: *Лёнхобо* – др.-тюрк. (из кит.) *denhua* 'цветок лотоса, лотос', ср. бур. лит. книжн. *лёнхобо* 'лотос', *лёнхобо сэсэг* 'кувшинка'; д) имена, омонимичные названиям металлов, камней: *Буртаг* – др.-тюрк. *burta* 'тонкие золотые пластинки; применяемые для украшения' и др.; е) имена, омонимичные названиям небесных тел: *Унгай* – др.-тюрк. *oŋuaj* 'Юпитер' и др.; ж) имена, образованные от апеллятивов различных лексико-семантических групп: *Тармахан* – др.-тюрк. *tarmaq* 'лапа, когти', фразеол. *qaruaq tarmaqi* 'название растения'.

Другие группы заимствованных имен – *тунгусо-маньчжуризмы*, а также некоторые другие заимствования. Например, а) *Баглай* – *вагла*, название ороческого рода; ср. также др.-тюрк. *bay* 'оковы, узы'; *Шаама* (ж.) – эвенк. *шајма* 'светловатый' и т.д. б) Группа имен, созвучных элементам *кетского, китайского, ненецкого, селькупского языков* – *Маа* – кит. *тй(мй)* 'лошадь, конь, конный', *Ма* (фамилия); *Яхуунай* – нен. *Яхане*, *Яхане* – имя собств.; *Шиипаан* – сельк. *šira* 'утка' и др.

Кроме того, в антропонимических системах монгольских народов представлены имена, заимствованные из тибетского языка и санскрита как следствие влияния религиозного фактора на развитие языков, при этом заимствование антропонимов сопровождалось их значительными грамматико-адаптационными изменениями. Подобные имена в настоящее время бытуют в основном среди восточных бурят.

В главе III. «Динамика экстралингвистических функций антропонимов» раскрываются важнейшие параметры развития монгольской антропонимии, которые определяют основные ее функции в языке.

3.1. Социальные функции. В любой период развития истории каждого социума имя выполняет специфические функции. К ним относятся социальная легализация личности, включающая в ряде случаев информацию о родственных отношениях, происхождении и положении в обществе, идеологическая, харизматическая и ритуальная функции.

3.1.1. Ритуальная функция. В древности многие народы, в том числе и монгольские, придавали огромное значение особым ритуалам, обрядам и обычаям при имянаречении. В “Сокровенном сказании монголов” описывается рождение сына *Есугай-Баатура* и наречение его *Тэмучжином*, “...Есугай-Баатур воротился домой, захватив в плен Татарских Тэмучжин-Уге, Хори-Буха и других... Соображаясь с тем, что рождение его совпало с приводом Татарского Тэмучжин-Уге, его и нарекли поэтому Тэмучжином...” [Козин, 1990]. Здесь, по-видимому, отражается древняя традиция монголов присваивать, отбирать имена у других родов и народов.

Представления тотемизма отражены в таких антропонимах, как *Гоа-Марал* [Козин, 1990] ‘прекрасная маралуха’, *Ариг-Бука* [Раши-ад-Дин, 1952], где компонент *Бука* – от стп.-монг. *buqa* = ‘бык’ (ср. х-монг. *бух*; бур. *буха*; калм. *бух*), *Хулан* [Козин., 1990], ср.: др.-тюрк. *qulan* ‘кулан, дикий азиатский осел’.

В калмыцкой антропонимии (преимущественно у представителей старшего поколения) сохранились древние калмыцкие имена, в основу которых положены названия птиц и животных: *Аю* ‘медведь’, *Чон* ‘волк’, *Тек* ‘дикий козел’ и др. В данной категории личных имен отражены древние тотемистические представления не только калмыков, но и других монгольских народов.

В настоящее время известны случаи, когда имя по тем или иным причинам «не подходит» его носителю (бур. *нэрэдээ 'дарагдаха*). Тогда, как правило, родители или же другие родственники обращаются в буддийский храм с просьбой заменить ребенку имя. Например, буддисты утверждают, что антропоним *Гэсэр*, носителем которого был эпический герой божественного происхождения, обладает мощнейшей энергетикой. Имя *Гэсэр* может носить только физически и духовно сильный человек, поэтому это имя характеризуется как “тяжелое”, и родители редко называют своих детей таким именем.

3.1.2. Харизматическая функция. Под харизмой (греч. *chárisma* – милость, божественный дар, от *cháris* – благодать) понимается

исключительная одаренность кого-либо. В связи с выполнением харизматической функции выделяются имена пожелательные и охранные. Пожелательные имена призваны положительно влиять на судьбу нареченного. Не вызывает сомнения тот факт, что имена-пожелания восходят к глубокой древности. В антропонимиконе монгольских народов содержится множество имен, обладающих харизматической функцией, направленной на то, чтобы носитель возымел в будущем то качество, которое заложено в семантике имени.

В древних монгольских памятниках в большом количестве представлены имена-пожелания физической и душевной силы, стойкости, мужества. В «Сокровенном сказании монголов» встречается антропоним *Бата-Чиган*, где *Бат* 'крепкий, надежный, прочный, устойчивый', *Чиган* (стп.-монг. *ᠴагаᠨ* 'белый'); в летописи XIII века – антропонимы *Бат*, *Батуха*, *Батачи-каа*; в «Алтан тобчи» – *Ватици ган*. В истории монгольского государства известен *Бату-Мунке даян хан* (1464-1517). В именах монгольских ханов часто содержится пожелательная семема *Тумэр* 'железо; железный; металл': *Тугэс Тумэр Усгал хаан* и др. В древних и современных антропонимах распространен компонент *Булат* 'сталь, стальной'.

В настоящее время имена, имеющие основу *бат*, широко функционируют в именниках монгольских народов. В современном монгольском языке данное имя-пожелание входит в состав многочисленных сложных имен, увеличивая количество антропонимов с пожеланием силы, стойкости и мужества. Нами зафиксировано 38 антропонимов: *Бат-Амгалан* и др. В бурятском именнике – *Бато*, *Бато-Жаргал* и др.

Антропоним *Батор* (*Баатар*) (стп.-монг. *bayatur* 'богатырь, герой; витязь') входит в состав таких древних монгольских имен, как *Есугай-Баатур*, *Бультегу-Баатур* [Козин, 1990]. В других летописях также встречаются эти имена, но в несколько другом написании, например, в «Алтан тобчи» – *Bartam batur*, *Ysügei batur*; «Сборник летописей» – *Барман-бахадур*, *Есугэй-бахадур*; «Эрдэнийн тобчи» – *Bardam bayatur*, *Yisügei bayatur*. Думается, что древние монголы называли *баторами* отнюдь не последних людей, а только смелых, сильных, заслуживающих такого именованья.

В число имен, направленных на пожелание их носителям живости, ловкости, стремительности, входит антропоним *Мэргэн*, апеллятивная основа которого означает 'меткий стрелок; мудрый, прозорливый'. В «Сокровенном сказании монголов» встречаются такие антропонимы, как *Борчжигидай-Мерган*, *Хоршлартай-Мерган*. В «Алтан тобчи» *Мэргэн гэгэна* – *Qürča mergen*, *Dobu mergen* и др. В современном монгольском

языке среди проанализированных антропонимов нами не обнаружен антропоним *Мэргэн*, тогда как в бурятском и калмыцком языках функционируют имена *Мэргэн* и *Мергн* соответственно. Также к рассмотренным именам-пожеланиям примыкают имена *Начин*, *Арслан* [Рашид-ад-Дин, 1952], ср.: имя монгольского хана *Барс булад сайн алаг хаан*, где *барс* 'тигр' и др.

К именам, выражающим пожелания счастья, благополучия нареченному относятся монг.-бур. *Жаргал*, х.-монг. *Тувшинжаргал* и др.; калм. *Джиргл*, *Эльзята* 'находка, ниточка счастья', *Цаган Халг* 'счастливейший путь', которые встречаются и в простых, и в многокомпонентных антропонимах. Следующая группа имен-пожеланий образована от названий драгоценных металлов, камней и украшений, которые, очевидно, олицетворяли желаемые качества: х.-монг. *Оюун* 'бирюза, бирюзовый', *Шүрэнцүцэг* 'коралловый цветок'; бур. *Алтана*, *Алта* 'золото, золотой', *Болор* 'хрусталь' и пр. Монгольские пожелательные имена разнообразнее, чем антропонимы бурятского и калмыцкого языков, за счет сложных образований,

*Охранное* (апотропеическое) имя давалось человеку с целью предохранить его от смерти, болезней, воздействия злых духов и злых людей, чтобы обмануть их.

В "Сокровенном сказании монголов" встречается имя *Тогон-Темур*, что позволяет предположить наличие охранной функции антропонима (стп.-монг. *тоуиуан* 'котел' + *темир* 'железо').

С XVII века стал особенно популярен жанр исторических хроник, летописей на старописьменном монгольском языке. В летописях расписаны генеалогические древа бурятских родов. Так, в «Бурятских исторических летописях» представлены мужские охранные имена, например, *Ухин-тайша*, ср. бур. *ухин* 'дочь; девочка', *Цагаан Эмэ Шара Ухинэй* (досл.) 'Белая желтая женщина, сын Девушки' и пр.

Родители своих сыновей для оберега называли женскими именами или словами, обозначающими женский пол, например, *хамган* 'жена, женщина; женский', диал. *Гэргэн* 'жена, супруга', монг. *Чавганц* 'старуха', калм. *Муу Күүкн* 'плохая девчонка'. И в настоящее время существуют обманные имена (в основном у представителей старшего поколения): монг. *Энэбиш* 'не это', *Адилбиш* 'неодинаковый' и пр.

Следовательно, охранные, охранительные, обманные имена и имена-обереги издревле выполняли одну из важнейших функций в жизни монгольских народов.

3.1.3. Социальная легализация. Социальная легализация в обществе является специальной антропонимической функцией, включающей информацию о родственных отношениях, происхождении и

положении в обществе. В XX веке практически исчезли имена, фамилии, четко разграничивающие социальный статус человека. Вместе с тем имя человека, которое он получает при рождении - особый социальный знак, его визитная карточка на протяжении всей его жизни.

К специфическим особенностям именника всех восточных народов относятся составные имена, включающие титулы знатности: *bek, han, tayiji, bei, noyan* и др. У древних монголов для имен женщин знатного происхождения было характерно употребление компонента *учжин=фуджин*, заимствованное из китайского языка (*фу-жень (furen)* – княгиня, супруга, жена высокопоставленного лица), например: *Оэлу-учжин*; *гоа=гоа* 'прекрасная', например: *Алан-гоа*; *qatun* 'княгиня, госпожа, знатная женщина': *Есуй-хатун*.

В настоящее время функция социальной легализации имен не несет столь важной, как в прошлом, информации о происхождении человека и его социальном статусе.

3.1.4. Идеологическая подфункция. По мнению ученых, идеологический компонент значения имени составляет важную часть его ономастического значения.

Представляется, что имя *Чингис-хана*, объединившего раздробленные монгольские племена и создавшего единое монгольское государство, сохранилось в именнике монгольских народов благодаря идеологичности национального самосознания. В современном монгольском языке функционирует большое количество антропонимов, происхождение которых восходит к истории Монгольской империи, например: *Чингис, Мандухай, Бөртөжин, Тэмүүжин*, в бурятском именнике функционируют имена *Чингис* и *Тэмуджин*.

Имена с идеологической нагрузкой обрели популярность в монгольских языках после победы Октябрьской революции и в последующие два-три десятилетия XX века. В Монголии это были антропонимы *Сухбаатар* (имя первого революционера Монголии) и *Цэдэнбал* (имя «отца монгольского народа»), *Соёмбо / Соёнбо* 'эмблема независимости Монголии' и даже антропоним *СССР*. В советской Бурятии распространились имена *Владлен, Хубисхал, Сталин, Долорес, Фрунзе*.

3.2. Экстралингвистические речевые функции. Функция номинации – это основная лексическая функция любого имени, в том числе и собственного.

Кроме того, исследователи выделяют следующие функции имен собственных в речи: коммуникативную (сообщение, репрезентация); апеллятивную (призыв, воздействие); экспрессивную (выразительная); дейктическую (указательная функции).

Апеллятивная функция проявляется в именах-призывах, в табуировании. Особенность мифопоэтического сознания восточных народов состояла в отождествлении имени и вещи. Не случайно у некоторых народов нельзя произносить имя умершего. Например, у тувинцев существует поверье: если произнести имя умершего человека вслух, душа его не обретет успокоения. Вследствие этого и обретают активность такие явления, как табу, или табуирование.

У бурят, монголов, калмыков издавна считалось, что при обращении к старшим неуважительно называть их по имени, поэтому в языках этих народов и в настоящее время бытуют формы названия, которые включают имя сына или дочери в родительном или именительном падеже плюс термины родства: бур. *Гомбо(ын) маама* 'мама Гомбо', калм. *Менкэн аав* 'отец Менке', х-монг. *Сухбаатрын ах* 'старший брат Сухэбатара' и т.д. Думается, что данного рода замены использовались в то время также из-за отсутствия в этих языках именовании по отчеству. Нередко такое обращение приводило к почти полному исчезновению имени человека. Использование табуированных имен в бурятском языке встречается и в настоящее время наряду с сочетаниями типа: *тетя Лена, дядя Батор*, которые под влиянием русско-бурятского двуязычия активно функционируют в речи.

В роли экспрессивных (от лат. *expressus* 'выразительный') или же эмоционально-оценочных имен могут выступить любые имена, содержащие эмоциональную оценку объекта, выраженные семантически или формально. Имен с эмоционально-оценочной характеристикой огромное количество в литературных произведениях, потому что, кроме номинативной, они выполняют еще идеологическую и стилистическую функции. Так, в дилогии Ч. Цыдендамбаева "Вдали от родных степей" и "Доржи сын Банзара" встречается антропоним *Мархансай* (имя злого богача в романе) от *мархагар* 'с большим носом, с раздутыми ноздрями', а к именам "положительных" героев присоединен уменьшительно-ласкательный суффикс *-хан*: *Затагархан, Сэсэгхэн, Аюхан*. В "Сокровенном сказании монголов" оттенком экспрессивности обладают прозвищные имена *Дува-Сохор*, ср. монг. *сохор* 'слепой', *Бодончар мунхаг*, ср. монг. *мунхаг* 'темный, отсталый, невежественный; глупый', *Сяосы* в значении 'половой, прислужник'.

В настоящее время к именам и прозвищам с экспрессивной функцией относятся антропонимы с русскими и бурятскими суффиксами субъективной оценки: *Долгорчонок, Доржоохой, Мункоодэй, Муня*.

Важную роль в эстетической оформленности имени играют звуковые и смысловые ассоциации. Имя должно вызывать исключительно положительные эмоции у окружающих человека людей. Издревле

эстетичность имен волнует представителей многих народов. При выборе имени должны учитываться все возможные ассоциации. К примеру, в современном монгольском языке есть антропоним *Баасан* (тиб. *pa-sanqs* 'пятница'), который входит в структуру сложных имен: *Баасансүрэн*, *Баасанчоймбол*, *Баасансугар*. У бурят, не знающих его значения, это имя вызывает ассоциации со словом, означающим 'кал, фекалии'.

### 3.3. Семантико-информативный уровень монгольских имен.

Онимическая семантика понимается как экстралингвистическое значение имени, включающее речевую, языковую и энциклопедическую информацию.

3.3.1. «Речевая информация имени». В «Сборнике летописей» вежливое отношение к человеку выражают термины, примыкающие к именам и указывающие на высокое происхождение их носителей, *эмир*, *шах*, *бахадур*, и пр. В «Алтан тобчи» – *batur*, *mergen*, *gua* и др., «Сокровенном сказании монголов» – *тайчжи*, *учжин*, *хан*, *хатун* и др.

В «Бурятских исторических летописях» используются имена с терминами, восходящими к феодальной эпохе монгольских народов: *зайхан* (*зайсан*), *засуул* (*заһуул*), *шуленга* (бур. *шүүлэнгэ*), *гулваа*, *тайша*, *нойон*, *занги*. С распространением буддизма в Забайкалье речевую информацию наряду с именами стали выполнять звания духовных лиц, например, *гэлэн* – монах, принявший 253 обета, *ширетуй* – настоятель дацана, *хуварак* – послушник, монах и т.д.

У монгольских народов существовали именованья по отцу, где вместо фамилии употреблялось имя отца, ср. бур. *Санжаагай Шоймпол* 'Шоймпол, сын Санжи', монг. *Батсүрэнгийн Болд* 'Болд, сын Батсүрэна', калм. *Доржин Менкэ* 'Менке, сын Доржа' и т.д. Появление фамилий у бурят, монголов, калмыков и отчеств у бурят и калмыков можно рассматривать как отражение в языке уравнивания их социального положения. Современные фамилии у бурят и калмыков образованы в основном по русской модели, с помощью суффиксов *-ов/-ев*, например, бур. *Барданов*, калм. *Мухараев*. Современные монгольские фамилии образуются традиционным способом, бытовавшим в дореволюционный период в Бурятии и Калмыкии, т.е. по имени отца, когда употребляется имя отца в именительном или родительном падежах: *Батсүрэнгийн Туул*, *Энбши Намуун* и др.

Отчества в бурятском и калмыцком языках появились немного позднее фамилий. Калмыцкие и бурятские отчества образовывались по русской модели – присоединением к имени отца форманта *-евич* (*-овна*, *-евна*): *Менкеевич*, *Батожаргаловна*. У монголов же отчества отсутствуют. В речевой практике бурят и калмыков имя+отчество употребляется с

учетом возрастных особенностей, социально-служебного положения именуемого и других экстралингвистических этикетных факторов.

Прозвища как вид антропонимов выполняют в языке функции коммуникации наряду с личными именами, фамилиями и отчествами и обладают значительной речевой информацией. Они попадают в разряд неэтикетного именования, которое ограничено используется в присутствии называемого. Одной из причин широкого распространения прозвищ является то, что они используются с целью различения индивидов.

Нами выявлены такие мотивационные моменты, когда прозвища подчеркивают особенности глаз: *Хухуня* (номинант имеет несвойственный для бурят синий цвет глаз), которое позже перешло в *Кукуня*; выделяют особенности формы носа: *Грузин-Шеварнадзе*, *Шопен* (все нареченные имеют крупные носы) и прозвище-полионим *Вопросительный Знак* (у именуемого после перенесенной травмы искривился нос). Прозвищем также могут стать имя или фамилия литературного героя, поэта, писателя или другой известной личности, передающие ассоциации с особенностями внешности носителя: *Дантес* и *Пушкин* (именуемые внешне напоминали их). В ходе проведенного исследования нами была выявлена тенденция именования субъектов в основном прозвищами с русской языковой основой, что, несомненно, объясняется активным бурятско-русским двуязычием.

Таким образом, в прозвищах отображаются различные явления жизни общества. В отличие от других видов антропонимов они сохраняют свое значение в наше время и сближаются с апеллятивной лексикой, отражая социальную среду носителей языка и национальный языковой колорит. Емкие по своему содержанию и насыщенные экстралингвистической информацией прозвища были и останутся «вехами социальных сил» и «энциклопедией реальной жизни».

3.3.2. «Энциклопедическая информация имени» предполагает в антропониме комплекс сведений об именуемом, а также некоторую сумму предварительной информации, которую несет именование.

На языковом уровне энциклопедическую информацию содержат суффиксы антропонимов со значением лица женского или мужского пола. Необходимо отметить, что в силу языковых традиций в монгольских языках до определенного времени отсутствовал грамматический показатель мужского и женского рода. В настоящее время суффиксы *-маа*, *-а*, *-суу/цуу* легли в основу нового принципа отграничения женских имен.

В современном монгольском языке с аналогичной функцией используется компонент *-гуга*, примыкающий к женским именам,

например: *Номингуа, Урангуа, Маралгуа*. Суффикс *-суу/цуу (-соо/-цоо)* также относят к показателям женского рода.

При помощи суффикса русского языка *-а* образовались варианты, существующих женских и мужских имен с конечным закрытым слогом: бур. *Баир – Баира* ‘радость, радостная’; калм. *Гернэл – Герензала*, имя одного из богатырей *Джангара*; монг. *Намуунаа* ‘мак’ и др.

**3.3.3. Символическая информация антропонимов.** Имена собственные, в частности антропонимы, часто наполнены символической информацией, которая утвердилась за определенным личным именем вследствие каких-то особых черт, поступков носителя.

В монгольских языках символичность имен собственных не носит такого массового характера как в русском, но тем не менее примеры данного явления все же встречаются. Это можно утверждать, говоря об антропонимах *Чингис, Джангер, Гэсэр*. Имя *Бадма* в некоторых случаях употребляется как нарицательное, обобщенное наименование буряты с присущими народу ментальными чертами. Переход имени собственного в нарицательное также зафиксирован, например, в спортивной терминологии: один из приемов в вольной борьбе называется “*барцай*” в честь агинского спортсмена *Барцаева*, впервые его использовавшего. Оним *Аламжа* в первичном значении был именем героя бурятского эпоса, позднее писатель Д.Р. Батожабай в романе “Похищенное счастье” (“*ТӨӨригдэһэн хуби заяан*”) назвал героя романа *Аламжой*, который всю жизнь искал счастье для себя и своей семьи, но так и не нашел его. У многих людей, прочитавших этот роман, теперь имя *Аламжа* ассоциируется с человеком, который страдает и испытывает мучения из-за «похищенного» кем-то счастья. Итак, символическая информация имени в монгольских языках не распространяется повсеместно, но, как видим, подобные явления все же имеют место.

**В заключении диссертации сформулированы основные положения и результаты проведенного исследования.**

Таким образом, результаты исследования онимической лексики монголоязычных народов свидетельствуют о том, что функциональная природа антропонимических систем данных языков, характеризующихся богатейшей этнической и культурной историей, весьма разнообразна. Наряду с антропонимами, общими и для монгольских, и для других народов, испокон веков живущих рядом, функционируют имена, возникшие в более поздние времена. Имена собственные как языковая категория живо реагируют на все социально-экономические явления, происходящие в обществе. Рассмотрение антропонимических систем монгольских народов в хронологической последовательности позволяет выявить наиболее существенные особенности их функционирования.

**По теме диссертации опубликованы следующие работы:**

1. Жапова Д.Н-Д. Особенности именника хоринских бурят (на примере антропонимов с. Ацагат Заиграевского района) // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур. Материалы IV Международного симпозиума (25-28 сентября 2003 г.). – Т.Ш. – Улан-Удэ, 2003. - С. 106-111.

2. Жапова Д.Н-Д. Социокультурные аспекты номинации // Современные проблемы взаимодействия языков и культур: Материалы научно-практической конференции. - Благовещенск: Изд-во Амур. госуниверситета, 2003. - С. 8-10.

3. Жапова Д.Н-Д. Прозвища как социальный фактор лингвистики // Современные проблемы филологии: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию профессоров У-Ж.Ш. Дондукова и Ц.Б. Будаева (20 ноября 2003 г.). - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2003. - С. 44-46.

4. Жапова Д.Н-Д. Антропонимы как отражение исторических и социокультурных явлений // Идеи воспитания учащихся на уроках русского языка и литературы в контексте истории и современности: Материалы региональной научно-практической конференции (апрель 2003 г.). - Улан-Удэ, 2003. – С. 23-28.

5. Жапова Д.Н-Д. Антропонимы как этноисторическое явление // Бытие и язык: Материалы международной конференции, посвященной взаимодействию лингвистических и философско-онтологических концепций (27-28 ноября 2003 г.). - Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 2004. - С. 216-220.

6. Жапова Д.Н-Д. Монгольские исторические сочинения как источник для изучения функций антропонимов // Будущее Бурятии глазами молодежи: Материалы третьей научно-практической конференции (5 апреля 2004 г.). - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2004. – В печати.

7. Жапова Д.Н-Д. Экстралингвистические функции монгольских антропонимов // Вестник БГУ. Сер. Востоковедение. - Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2004. - В печати.

Подписано в печать 01.11.2004 г. Формат 60x84 1/16.  
Бумага офсетная. Объем 1,4 печ. л. Тираж 100. Заказ № 183.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН  
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

■25670

РНБ Русский фонд

2005-4

37814